

ЖАН-ЛУИ ФАБИАНИ

Философы республики

Пространство возможного: французская философия на рубеже XIX—XX вв.¹

От дисциплинарного аппарата – к философскому полю

Начиная с восьмидесятых годов XIX века саморепрезентация философской деятельности [во Франции] основывается на вере в абсолютную свободу теоретического выбора. Высшее выражение она получает в часто озвучиваемой оппозиции между недавним прошлым университетской философии и ее настоящим, определяемым через отсутствие всякого идеологического или институционального давления. Фредерик Полан, которого в 1900 году приглашают представить картину французской философии перед американскими университетскими кругами, иллюстрирует это общее место: «Нынешнее состояние французской философии на первый взгляд кажется немного запутанным. Нельзя выделить ни главенствующих, ни соперничающих школ, которые имели бы неоспоримых руководителей и послушных учеников. Общий вид французской философии можно сравнить с городом, который архитекторы, каменщики и ремесленники строят без предварительного согласия между собой, каждый действуя на свой вкус и следуя собственным наклонностям»². На разнородности университетской философии настаивают и другие комментаторы. Исаак Бенруби подчеркивает «многообразие и даже противоречивость сил, действующих в современной философии во Франции»³, а Доминик Пароди указывает, что «нашим высшим образованием владеет несколько противостоящих друг другу направлений»⁴. Подобных примеров можно было бы найти множество.

Тема свободного выбора конституирует, таким образом, некий основополагающий миф республиканской философии: отсылка к «школе мысли» или к группе чаще всего воспринимается негативно. Она возвращает к образу интеллектуального объединения прошлого, наиболее яркий пример которого —

¹ Главы 3–4 из книги: Fabiani J.-L. *Les Philosophes de la République*. Paris: Minuit, 1988.

² F. Paulhan, «Contemporary Philosophy in France», *The Philosophical Review*, 1900, p. 42–67; citation p. 42.

³ I. Benrubi, *Les sources et les courants de la philosophie contemporaine en France*, Paris, Alcan, 1931, T. 2, p. 14.

⁴ D. Parodi, *La philosophie contemporaine en France*, p. 7.

«армия» Виктора Кузена⁵. Но она отсылает также и к объединению сектантского типа вокруг учителя (по примеру Церкви Огюста Конта). Эти две формы философского объединения все больше дисквалифицируются: первая — поскольку она производит единство средствами дисциплины, вторая — поскольку она предполагает подчинение авторитету харизматического типа. Требование интеллектуальной независимости философов и превознесение личной инициативы представляют собой идеологическую проекцию [процесса] перехода из состояния, когда университетская философия мыслится по принципу аппарата, подчиняющего преподавателей средствами теоретического и дисциплинарного контроля, к ситуации конкурентной борьбы за монополию на легитимное определение философской деятельности. «Поле философии», определяемое как структурированное пространство позиций⁶ — это результат процесса автономизации дисциплины по отношению к религии и политической власти.

Типизация карьеры и существование объективных норм и процедур допуска в профессию приводят к ослаблению профетических черт фигуры философа. В целом, университетский дискурс никогда не принимает открыто профетического характера, так как в рамках школьной программы он обречен преимущественно на повтор одних и тех же форм комментария. Деятельность университетского философа включает прежде всего рутинные элементы, тогда как инновационные стратегии основываются на отклонениях — порой незначительных — по отношению к признанному определению школьного знания. Это не значит, что любые профетические элементы исчезают из университетского поля: инновационные или различительные стратегии часто включают элементы этого типа, которые иллюстрируют исключительное положение преподавателя философии в учебном заведении. Но важно то, что великие философы на рубеже веков не создали, в отличие от писателей, художников или ученых, школы или движения.

Бергсон, в частности, всегда заботился о том, чтобы представляться в образе философа-одиночки; «бергсонянцы» же чаще всего были писателями, учеными⁷ (в частности, Эдуар Леруа) или художниками. Кроме того, Бергсон часто не признавал интерпретации своей мысли его так называемыми учениками, и никогда не стремился обеспечить воспроизводство своего творчества через университетские каналы. На это можно было бы возразить, что Бергсон, долгое время оставаясь преподавателем лицея, никогда не преподавал в Сорбонне и не мог сформировать себе университетской клиентуры;

⁵ Виктор Кузен (1792–1867) — философ-спиритуалист, переводчик классических текстов, в 1830 становится директором Высшей нормальной школы, в 1831 избирается во Французскую Академию, в 1832 — в Академию моральных и политических наук, а в 1840 назначается министром образования. Активный участник образовательных реформ в философии: в 1830-х гг. формулирует само представление о методически обоснованной учебной программе и вводит в философское образование разделы психологии и истории философии. При этом выступает объектом критики и насмешек за излишнюю жесткость предлагаемой модели организации философской практики, ее ориентацию на воспроизводство единого морального порядка. — *Прим. ред.*

⁶ О понятии поля см.: P. Bourdieu, «La production de la croyance», *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1977, ¹ 13, p. 3–41, и «Quelques propriétés des champs», *Questions de sociologie*, Paris, Éditions de Minuit, 1980.

⁷ В смысле, представителями естественных и точных наук. — *Прим. ред.*

Коллеж де Франс занимал в этом отношении маргинальное положение⁸. Однако найдутся примеры университетских философов, которые не имели последователей, тогда как институциональное положение позволяло им играть центральную роль в инстанциях подбора и назначения преподавателей: Жюль Лашелье — наиболее значительная из таких фигур⁹. Он сформировал целое поколение философов в Высшей нормальной школе¹⁰ и, несомненно, больше чем кто-либо другой, через свое длительное участие в конкурсной комиссии на ученую степень и через свои функции главного инспектора, внес вклад в то, чтобы установить нормы университетского дискурса¹¹. Бросается в глаза, что единственный философ, вокруг которого остается что-то вроде школы — это Ренувье¹². Но при этом ренувьеризм является, скорее, пережитком конца XIX века. Что касается Пьера Жане, наиболее значительной фигуры французской психологии рубежа веков, его биограф замечает, что «он не имел никаких учеников и не основал никакой школы»¹³.

Отсутствие школы в строгом смысле слова является на самом деле одной из характеристик университетской организации: именно одинокий подвиг становится нормой школьного совершенства. Когда Дюркгейм описывает неустанный поиск оригинальности, столь свойственный студентам, изучающим философию¹⁴, он предлагает средство, которое позволяет понять мощный механизм философской исключительности — венценосная дисциплина не могла бы сделать своим объектом разделение труда¹⁵. Философ, заслуживающий своего имени, никому ничего не должен; он начинает всю философию с самого начала — единым махом и в полном одиночестве. Понятию трансцендентального генезиса философии соответствует представление о философе как о чистом начале. Так же, как Бергсон не признавал ни одного настоящего ученика, он отказывался и от всякой преемственности по отношению

⁸ Коллеж де Франс не является учебным заведением университетского типа, в частности, он не проводит записи студентов. Это скорее почетный клуб, где исследователи читают курс лекций и ведут исследовательский семинар для аудитории свободных слушателей. — *Прим. ред.*

⁹ Жюль Лашелье (1832–1918) — автор диссертации «Основания индукции». О Лашелье см.: С. Bouglé, *Les maîtres de la philosophie universitaire en France*, Paris, 1938.

¹⁰ Высшая нормальная школа (бывшая педагогическая) — элитное заведение высшего образования, поступление в которое, в отличие от университета, предполагает прохождение конкурса и нередко — двухлетнего подготовительного класса. Выпускники Школы пополняют прежде всего ряды ученых, преподавателей и государственных чиновников. — *Прим. ред.*

¹¹ Ж. Шевалье пишет по поводу Лашелье: «Философский университет, который был создан во Франции с 1870 года, должен был бы носить его имя. (...) Но о нем можно было сказать также, что он оставался одинок, поскольку не основал школы. (...) Он признавал это и сам: “Большинство моих учеников стали учениками М. Ренувье”» (J. Chevalier, *Histoire de la pensée*, Paris, Flammarion, 1966). То же самое можно отметить и в отношении Эмиля Бутру.

¹² Существует школьный журнал («Философская критика»), и некоторые университетские философы продолжают ссылаться на Ренувье (в частности, Лионель Дориак).

¹³ С.-М. Prévost, *La psycho-philosophie de Pierre Janet*, Paris, Payot, 1973, p. 9.

¹⁴ E. Durkheim, «L'enseignement philosophique et l'agrégation de philosophie», *Revue philosophique*, 1895-I, p. 121–147.

¹⁵ В предшествующей главе автор описывает французскую образовательную систему последней трети XIX в., где философия отводится особое место, «увенчивающее» среднее образование и «обобщающее» его содержание. Отсюда, определение философии как «венчающей» и «венценосной» дисциплины, заимствованное из дискурса самих лицейских и университетских философов-преподавателей этого периода. — *Прим. ред.*

к учителю. Он говорил о своем преподавателе философии, Бенжамене Обе, «что был ему признателен за то, что тот не оставил никакого следа в его уме»¹⁶. Во время своего пребывания в Высшей нормальной школе он почти не выказывал уважения к своим учителям Бутру и Олле-Лапрюну. Бергсон считал, что «по-настоящему крупного мыслителя нельзя объяснить через его предшественников»¹⁷. Генеалогическая работа Доминика Жанико показывает, что творчество Бергсона может быть вполне понято, только если заново вписать его во французскую спиритуалистическую традицию, тогда как оно представляет себя как радикально новое явление¹⁸. Университетская философия Третьей республики¹⁹ характеризуется также возрастающей важностью отношения к философской инновации: если спиритуализм до 1880 года казался исключительно вариацией на тему вечной метафизики, то для следующего поколения он учредил проблематику философской новизны: творчество Бергсона часто представляют как «новую философию».

Для Лашелье главная цель состояла в том, чтобы быть хранителем традиции: «Философия больше не является тем, что изобретают — она уже сделана», — обычно говорил он²⁰. Что касается Равессона, он претендовал лишь на то, чтобы «восстановить то лучшее, что было в вечной метафизике»²¹. Эта позиция противоположна позиции Бергсона, избегающего ссылки на философскую традицию и глядящего свысока на своих предшественников (в отношении Канта он говорил: «Все, что угодно, кроме этого»). Философ экономит на отсылке к традиции, однако это не означает, что традиция перестала говорить в нем. Доминик Жанико отмечает, что «на самом деле у Бергсона метафизическая традиция не преодолена; бергсоновская новизна не является основополагающей до такой степени, чтобы произвести радикальное преобразование мышления»²². Иными словами можно было бы сказать, что молчание в адрес традиции не препятствует сближению с ней. Новизна хорошо узнаваема — тем легче ее принять. Социальный успех бергсонизма, без сомнения, рожден этой узнаваемой непохожестью.

Если нет надобности в том, чтобы отсылать к понятию школы или кластера²³, чтобы понять логику философских объединений, так это потому, что теоретический выбор и проекты индивидуальных карьер следует относить на счет межличностных диспозиций, произведенных через внедрение общих школьных знаний (объективированная философия) и через общий опыт социального мира, который порождает одинаковые схемы восприятия. Таким образом, чувство свободы теоретического выбора, которое превращает философствующего индивида в абсолютное начало, само по себе является

¹⁶ M. Barlow, *Bergson*, Paris, Éditions Universitaires, 1967.

¹⁷ D. Janicaud, *Une généalogie du spiritualisme française*, p. 54.

¹⁸ D. Janicaud, *op. cit.*, p. 200: Бергсон приписывает не слишком большое значение философской традиции (По Жильсону, философы прошлого были для него лишь мишенями).

¹⁹ «Третья Республика» — период функционирования республиканского политического режима во Франции с 1870 по 1940 гг. — *Прим. ред.*

²⁰ J. Chevalier, *op. cit.*, p. 464.

²¹ D. Janicaud, *op. cit.*, p. 118.

²² D. Janicaud, *op. cit.*, p. 200.

²³ Как это делает Т. Кларк в: T. N. Clark, *Prophets and patrons. The French University and the Emergence of Social Sciences*, Cambridge (Mass.), Harvard University Press, 1973.

следствием диспозиций, не имеющих ничего индивидуального, поскольку они являются отражением социального определения философии и ее относительной позиции в иерархии дисциплин. Сходство габитусов²⁴, произведенное школьными условиями, позволяет увидеть в требовании оригинальности общую для философов черту; философия – единственная дисциплина, в которой уникальность оказывается коллективным свойством.

Некрологи и агиографии часто описывают выбор предмета диссертации, который для университетского преподавателя является воплощением интеллектуального проекта, как следствие озарения или обращения. История появления «Опыта о непосредственных данных сознания» является тому самым известным примером: именно выходя с лекции, посвященной парадоксу Зенона Элейского о движении, Бергсон решил начать диссертацию²⁵. Другое выражение философского выбора проявляется в тематике призвания: вхождение в философскую профессию представлено в форме настоящей необходимости, даже призвания, тогда как в других дисциплинах эта тематика отсутствует²⁶. Частота упоминаний о кризисе подросткового возраста, который может принимать даже мистические формы, является показателем важности тематики философского обращения²⁷: это подчеркивает исключительность данной дисциплины и полную самоотдачу, которой она требует. Темы обращения и самопожертвования маскируют некоторые объективные критерии предпочтения философии другим специальностям: исследование биографий философов демонстрирует одновременно высокие школьные успехи (измеряемые хорошими оценками на школьной олимпиаде или, например, поступлением в Высшую нормальную школу) и влияние преподавателей или университетских администраторов на выбор дисциплины²⁸. С другой стороны, философия никогда не является дисциплиной нового профессионального обращения, как, например, языки или грамматика. Можно было бы сказать, что тема философского выбора является проекцией неотъемлемых свойств дисциплины, а также социальных и образовательных характеристик индивидов, которые ее выбирают.

Мы, впрочем, не стремимся к тому, чтобы перевернуть этот образ призвания и обращения, заменив его проблематикой рационального выбора дисциплины или предмета диссертации. Говорить о пространстве возможного – не значит признавать рациональный подсчет большей или меньшей выгоды тем и факультетов²⁹. То, что поражает в биографиях философов – это особая роль дорефлексивной предрасположенности к людям или произведениям. Так, например, Бергсон испытывает уважение к Лашелье, по-настоящему не интере-

²⁴ Об этом понятии см.: P. Bourdieu, *Homo academicus*, p. 197.

²⁵ Об этой забавной истории см.: J. Chevalier, *Entretiens avec Bergson*, Paris, Plon, p. 38–39.

²⁶ См. J.-L. Fabiani, «La vocation philosophique», *La crise du champ philosophique*, p. 107–111.

²⁷ Можно вспомнить о подростковых кризисах Дюркгейма (J.-C. Filloux, *Durkheim et le socialisme*, Paris, Droz, 1977, p. 29) или Пьера Жане (С.-М. Prévost, *La psycho-philosophie de Pierre Janet*, p. 30).

²⁸ О школьных успехах философов см.: J.-L. Fabiani, «La vocation philosophique», p. 108.

²⁹ О критике рационального выбора как модели анализа социальных стратегий см.: P. Bourdieu, *Le sens pratique*, Paris, Éditions de Minuit, 1980, p. 71–86. (Бурдь П. Практический смысл / Пер. с фр. под ред. Н. А. Шматко. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб: Алетейя, 2001. С. 81–100. – Прим. ред.)

суюсь его творчеством³⁰. Дюркгейм, напротив, чувствует неприязнь к «литературному» повороту университетской философии, воплотившейся в преподавании Высшей нормальной школы³¹. Избирательная симпатия значит здесь больше, нежели обращение или расчет. Здесь выбор также опирается на неявные принципы отбора, основанные на взаимном признании, которое порождает идентичность схем восприятия. Пространство возможного образовано совокупностью тем объективированной философии (которые позволяют отделить философию от того, что ею не является); но помимо того – представлениями об актуальных траекториях и карьерных возможностях.

Все эти элементы образуют регулирующие механизмы философской деятельности, в той мере, в какой они дают философам то, что Пьер Бурдьё определял как «чувство законных амбиций»³², которое есть не что иное, как практическая оценка набора доступных вариантов при выборе объектов, а также возможных типов карьеры. Начиная с восьмидесятых годов XIX века, уровень амбиций повышается в результате роста карьерных ожиданий и новой идеологической конъюнктуры: недоверие по отношению к университетским преподавателям предыдущего поколения, которое отмечается у Дюркгейма точно так же, как и у Бергсона, характерно для философов с высокими амбициями³³. По биографиям философов можно выявить степень их привязанности к учителям, которая сильно варьируется в зависимости от [профессиональной] траектории. Чем она скромнее (например, карьера, венчающаяся постом преподавателя в провинциальном лицее), тем больше уважение к учителю вписывается в традиционные формы духовной преемственности; это выражается в чувстве долга перед своим преподавателем. Стратегии отвержения традиции, какую бы форму ни принимал отказ, напротив, характеризуют философов, делающих блестящую карьеру и утверждающих себя через разрыв. Не менее важно и то, что редкие учителя, признанные университетскими философами и начавшие входить на университетский рынок с восьмидесятых годов XIX века, находились вне французского университета: в этом случае чаще всего вспоминают Ренувье, Конта, Спенсера и Шопенгауэра. Таким образом, различия в степени неблагодарности по отношению к своим учителям являются показателем уровня амбиций того или иного поколения философов.

Интеллектуальный проект обретает плоть внутри всей совокупности институциональных ограничений: прежде всего, это материальное принуждение, определяемое попросту условиями жизни преподавателей философии. Преподавательская нагрузка, а также условия жизни в провинции, которые характеризует отсутствие библиотеки и удаленность от центров интеллектуального обмена, располагают к совершенно определенному типу работы; в своем исследовании философы склонны в измененной форме повторять со-

³⁰ Bergson et nous, X^e congrès des Sociétés de philosophie de langue française, 1960, p. 35.

³¹ J.-C. Filloux, *Durkheim et le socialisme*, p. 12: «Первый год в Школе приносит ему большие разочарования. (...) Он находит Берсо поверхностным, раздражающим желанием нравиться и светским настроением, Гастона Буасье смешным, Олле-Лапрюна – интеллектуалом, лишенным убедительности, если не строгости: это и есть преподавание философии, это и есть философия, которую он станет преподавать, получив степень агреже?»

³² P. Bourdieu, *Homo academicus*, p. 202.

³³ Другие примеры такого недоверия см.: см. J.-L. Fabiani, *La crise du champ philosophique*, p. 110.

держание школьного курса и воспроизводить разделение объектов, заданное рамками программы: преподаватель в своих собственных работах рассматривает все те же великие проблемы, которые излагает в своих лекциях. С другой стороны, в своем исследовании он оказывается сильно привязан к текстам великих философов (иными словами, к своей личной библиотеке). Это отношение к классикам является также одной из особенностей философского преподавания. Напомним, что чаще всего философы защищают диссертацию между тридцатью и тридцатью пятью годами; диссертация обдумывается и пишется во время преподавания в средних учебных заведениях. Приходит на ум образ Бергсона, набрасывающего диссертацию по дороге от дома к лицу Клермон-Феррана; трудно представить философское исследование, которое было бы полностью независимо от форм школьного преподавания философии. Это первая форма принуждения. Но есть и другие, более тонкие, связанные с неявными нормами философской деятельности. К обязательным ссылкам на считающиеся классическими проблемы прибавляются требования к диссертации, которая должна представлять собой как бы итог всех предыдущих [университетских] работ, а также неявные конвенции относительно выбора объекта. Есть, таким образом, вещи, о которых не стоит говорить, и объекты, за которые не стоит браться: например, наиболее сырые формы позитивистской идеологии (которые можно встретить у ученых[-естественников]) не в ходу у университетских философов.

Кандидатская диссертация становится кристаллизацией философского проекта: она — нечто намного большее, чем условие доступа к должности преподавателя в высшей школе³⁴. Существующая в форме книги, она — первая важная работа в философской карьере, до выхода которой автор ничего значительного не публиковал. Чаще всего диссертация остается для ее автора определяющей работой: достаточно вспомнить «Психологический автоматизм» Пьера Жана или «Опыт о непосредственных данных сознания» Бергсона. Делая возможным вступление в философское пространство, она является инструментом маркировки позиции в данном поле. Последующая философская работа часто оказывается продолжением диссертации, то есть ее повторением в другой форме. Кроме того, существует длительный латентный период между публикацией диссертации и выходом второй книги: для многих философов диссертация остается единственной опубликованной работой. Обладая формой более явно и систематически школьной, чем прочая философская продукция, она в результате легко поддается педагогическому использованию: таков, в частности, случай работы Эмиля Бутру «О непрерывности законов природы» (1874), которая широко используется при подготовке лекций, экзаменов и конкурсов в высших учебных заведениях. Важность защиты диссертации усиливается связанными с ней ритуалами и продвижения, которое она получает в университетских, а иногда даже в политико-литературных журналах³⁵. Диссертацию стремятся сделать завершенным философским тру-

³⁴ Следующие замечания и цифры основаны на обзоре ежегодных выпусков: *Catalogue des thèses et écrits académiques*, Melun, Paris.

³⁵ Так, например, Бутру утверждает о диссертации Лашелье, что она «сразу же стала классическим памятником нашей философской литературы» (*Discours, articles, conférences, recueil artificiel*, Paris, E. N. S., p. 13).

дом, как по форме, так и по месту, которое она занимает в производстве в целом (как модель, матрица будущего развития). Так, диссертацию Бергсона, защищенную в 1889 году, рассматривают в качестве «зародышевой» работы, где заложены в скрытом виде все крупные бергсонские темы.

Выбор тем диссертаций является хорошим показателем предпочтений философов данного периода. Между 1870 и 1914 годами история философии представляет собой доминирующую область — к ней относится почти половина защищенных диссертаций (43% от общего числа). Нет ничего удивительного в распространенной точке зрения о том, что школьная философия организована вокруг исследования классических произведений, учитывая, что чтение работ представляет собой «бесконечное занятие»; этот интерес к истории философии можно представить и как результат стараний Виктора Кузена. Доля исторических тем растет: 20 из 51 между 1870 и 1890 гг., 37 из 88 между 1891 и 1910 гг. Интерес к тем или иным моментам истории философии очень различен. Все диссертации посвящены западной философии. Больше всего изучается именно философия XVII века: шесть диссертаций посвящены Декарту, четыре Лейбницу и одна Мальбраншу. Затем идет античная философия (семь диссертаций). Философская троица Платон-Декарт-Кант составляет основу основ преподавания истории философии во Франции. Достаточно осязаемый интерес вызывает английская философия XVIII и XIX веков (Локк, Юм, Стюарт Миль, английский идеализм XVIII века, философский радикализм): она привлекает такое же внимание, как немецкая. В конце данного периода ощущается движение интереса к Шопенгауэру — как следствие моды на этого автора во Франции в конце XIX века. Однако большинство диссертаций посвящены французской философии в целом (около двадцати). Среди французских авторов XIX века на первое место выходит Мен де Биран: он стал одной из главных референтных фигур неоспиритуализма и, минуя Равессона, поднялся до уровня Бергсона. Но важно отметить приобретение университетской легитимности и такими авторами, как Конт, Курно и Фурье — хотя творчество Конта и не вызывает восторга, как не отмечается и бурного интереса к позитивизму. Отсутствие Гегеля среди изучаемых авторов не должно удивлять: оно обозначает пределы интереса к немецкой философии. Люсьен Герр так и не завершил начатую работу о Гегеле; интерес к этому философу оказывается несколько слабее, нежели в предыдущий период.

На протяжении исследуемого периода можно проследить достаточно ясный сдвиг: первые годы посвящены, главным образом, великим классикам (так, почти все диссертации, посвященные Декарту, защищены до 1890 года), тогда как на рубеже веков начинают вызывать интерес такие авторы, как Фейербах, Раймонд Луллий, Шлеермахер, Гельвеций, Мишле. И даже философская современность находит себе место, в диссертации о Вильяме Джеймсе: впервые в качестве объекта берется живущий автор. Эта тенденция к переходу от признанных авторов к менее легитимным философам, без сомнения, выражает феномен «изношенности» наиболее упоминаемых тем и авторов, который заставляет обращаться к именам, в недавнем прошлом остававшимся на втором плане. С другой стороны, это охлаждение интереса к классическим авторам весьма относительно. Диссертации посвящены очень основательным или общим темам, особенно в семидесятых годах XIX века: к примеру,

«Эссе о методе Декарта» Шарпентье, или исследование всего философского творчества одного автора – «Мен де Биран» Жирара, «Философия Дэвида Юма» Компаре. Монографии о философии одного автора представляют собой наиболее распространенный случай диссертации по истории дисциплины: например, «Философия Стюарта Миля», «О философии Дунса Скотта», «Философия Гассенди» и т. д. Темы, которые предполагают постановку и решение проблем в рамках истории идей, очень редки.

Можно заметить, однако, что в конце данного периода появляются диссертации, авторы которых пытаются выделить ту или иную тему в рамках определенной философской традиции: например, «Проблема будущего и понятие материи в греческой философии от начала до Теофраста» Риво (1905), «Божественная бесконечность от Филона Иудейского до Плотина» Гюйо (1906), «Пространство и время у Лейбница и у Канта» Ван Биемы (1908), «Эстетика Шопенгауэра» Фоконне (1913). Все эти диссертации, выделяющие тему или проблематизирующие объект, были написаны после 1900 года. Тенденцию к специализации можно объяснить невозможностью повторить огромные монографические труды, характерные для начала этого периода; но эта специализация и проблематизация остается, в общем-то, достаточно ограниченной. Можно отметить также появление исследований об исторической эволюции философских понятий: материи, становления, бесконечности, пространства, времени, теории чисел и т. д. Данный вид работы появляется как следствие дискуссий о методе истории философии: среди авторов этих «проблемных» диссертаций есть и историки, которым суждено господствовать в последующий период французской философии: Брейе, Риво, Жильсон, Робэн. Такого рода изменения указывают на новый способ понимания истории философии как истории проблем или истории понятий. Они предвещают следующий период, когда историко-философские работы будут занимать гораздо более важное место.

Если диссертации по истории философии наиболее многочисленны, насколько они выгодны с точки зрения университетского престижа? Оказывается, данный тип диссертации редко сопровождается философской известностью: из философов, упомянутых во всех солидных обзорах французской философии³⁶, только у Анри Делакура диссертация посвящена истории философии. Разительна диспропорция между значительностью доли исторических тем в совокупности диссертаций и слабостью интереса к истории философии среди философов, занимающих доминирующие позиции в философском поле. Однако после Первой Мировой войны, напротив, история философии, кажется, утверждается как господствующая область в иерархии философских предметов. Эта тенденция уже уловима, если рассматривать многочисленные исторические диссертации, защищенные между 1905 и 1914 годом, которые принесли своим авторам высокие посты и значительные привилегии. Таким образом, относительно слабый интерес наиболее признанных философов восьмидесятых годов XIX века к истории философии следует соотносить с высоким уровнем амбиций и разрывом между господствующими

³⁶ Речь идет о 34 философах, упоминаемых одновременно в работе Бенруби, в работе Пароди, а также в статье Бутру «Философия во Франции с 1867 года» (в «Журнале метафизики и морали», 1908 г.), и «История философии» Брейе.

щими представлениями о философе, с одной стороны, и о специалисте и технике, с другой (см. табл. 1 и 2).

Таблица 1. Распределение диссертаций по темам
(всего – 156) с 1870 по 1914 гг.

		%
История философии	67	43,0
Метафизика и интроспективная психология	32	20,5
Логика и философия науки	15	9,6
Мораль и политика	14	9,0
Экспериментальная психология	13	8,4
Социология	6	3,8
Эстетика	6	3,8
Религия	3	1,9

Таблица 2. Сдвиг в темах диссертаций, %

	1870–1889	1890–1909
История философии	39,20	42,00
Метафизика и интроспективная психология	29,40	18,20
Логика и философия науки	7,80	12,50
Мораль и политика	9,80	9,00
Экспериментальная психология	6,00	9,10
Социология	3,90	3,50
Эстетика	3,90	3,50
Религия	0,00	2,20

Среди диссертаций, которые посвящены не истории философии, первое место занимают работы по метафизике. Но их доля уменьшается в течение данного периода. Другие тематические области занимают более ограниченное место: большие диссертации по морали (Олле-Лапрюн, Раух) были защищены, главным образом, до 1890 года, что отражает относительное снижение в ранге подобной тематики, связанное с прочным утверждением республиканского образования. Философия науки заявляет о себе как набирающая силу дисциплина: на рубеже веков вопрос науки, ее пределов и ее делений, становится центральным. Диссертации, защищенные по этой дисциплине, обладают высоким университетским престижем, к чему прибавляется высокий уровень капитала их авторов (начальная или дополнительная научная подготовка, знание иностранных работ и т. д.). Похожая логика прослеживается и в сфере социальных наук. Эта сфера особенно бурно развивается после 1890 года. Экспериментальная психология занимает гораздо более значительное место, чем психология, однако она часто остается довольно близкой к философской психологии. Эстетика и религиозная философия остаются очень ограниченными областями. Таким образом, исследование докторских диссертаций обнаруживает одновременно и относительную стабильность возможного набора тем, которые отсылают к реалиям школьной

программы, и появление новых стратегий, основанных на специализации и технизации философского дискурса, в пределах, которые, однако, все еще остаются довольно узкими.

Как охарактеризовать конкурентную борьбу, которая формирует философское поле? Каковы позиции, которые определяют это пространство? Мы уже отмечали, что в действительности не существовало объединений с собственным манифестом и единым вдохновителем, наподобие тех, которые известны социологии литературы. Однако философия не является закрытым полем, и ее следует расположить в социальном пространстве. Для венценосной дисциплины, при том переопределении иерархий, которое характерно для развития республиканского образования, задача состоит в том, чтобы в рамках гуманитарных факультетов сохранить свою позицию, легитимированную определенным порядком знания; внутри университета в целом, особенностью которого является разделение на факультеты, выражающее различия на уровне структуры карьерных возможностей, философии важно защитить специфическую форму производства знания и определенный тип отношений к полю власти: «светскому» полюсу факультетов права и медицины противопоставляется «ученый» полюс факультетов гуманитарных и естественных наук³⁷. Философию также следует рассматривать и в перспективе отношений между университетскими преподавателями и «свободными» интеллектуалами, особенно писателями, которые живут своим пером или обеспечены рентой.

Существуют, таким образом, различные уровни анализа, которые, не противореча друг другу, позволяют осмысливать философию одновременно как доминирующую в системе гуманитарных дисциплин, и как относительно доминируемую, если рассматривать ее в структуре поля власти. Критерии дифференциации между позициями обоснованы, только если принимать в расчет поле, внутри которого они функционируют; стремясь забыть об этом, прибегают к коротким замыканиям в объяснении, которые лежат в основании всех дискурсов о философии как выражении господствующей идеологии. Университетских философов на рубеже веков можно исследовать как однородную группу, которая занимает определенную позицию в университетском и интеллектуальном полях, но можно также рассматривать университетскую философию как место дифференциации, которое подлежит изучению и анализу в качестве пространства позиций.

Философ и преподаватель

Важнейшим элементом дифференциации внутри поля философии является также различие между философом и преподавателем философии. Показательным здесь может служить издание 1983 года «Словаря современников» Ваперо³⁸. Философы в словаре обозначаются несколькими способами. Наиболее часто используется слово «философ» (одиннадцать раз); но встречаются также «философ и преподаватель» (восемь раз), «философ и эрудит» (один

³⁷ Об этом понятии см. P. Bourdieu: *Homo academicus*, p. 99; иллюстрация периода 1880–1900 гг.: C. Charle, *Les élites de la République*, p. 226–247.

³⁸ G. Vapereau, *Dictionnaire des contemporains*, Paris, 1893, 6e édition.

раз), «философ и администратор» (один раз) и «преподаватель философии» (четыре раза). Это разнообразие обозначений отнюдь не нейтрально: оно выступает в качестве шкалы признания, которая нисходит от философа к преподавателю. На вершине ее — философы (Бутру, Фулье, Равессон), которые также являются преподавателями; университетские деятели, называемые «философами и преподавателями», на этой шкале признания занимают среднее положение (Олле-Лапрюн, Лашелье, Поль Жане); простые «преподаватели» — это учителя в средних учебных заведениях или преподаватели провинциальных вузов. Чем известнее философ, тем меньше упоминаний о преподавательском аспекте его деятельности, тогда как объективно он не перестает быть преподавателем. Это становится еще более заметно, если принимать в расчет почести, которые воздаются профессии философа: в целом из одиннадцати «философов» шесть являются членами Академии, а девять — обладателями Ордена Почетного Легиона. Среди восьми «философов и преподавателей» — один член Академии и пять обладателей Ордена Почетного Легиона. Что касается четырех «преподавателей философии», никто из них не является членом Академии и только двое — обладатели Ордена Почетного Легиона. Обозначения, используемые Ваперо, отсылают нас к парадоксу: в конце XIX века, когда устанавливается господство преподавательской философии, наставнический образ философского образования сохраняет актуальность, но преподаватель философии не является философом в полном смысле слова. Это различие есть отражение расхождения в философском поле между простыми преподавателями и настоящими интеллектуальными творцами. В то время как агиографические описания беспрестанно рисуют образ сообщества, где все преподаватели равны перед философией, анализ карьер выпускников Высшей нормальной школы между 1875 и 1810 годами обнаруживает значительные диспропорции³⁹. Некрологи этих преподавателей позволяют составить представление о типологии философского производства в его отношении к карьерам агентов данной профессии (таблица 3).

Преподаватели, которые работали в течение всей своей карьеры в провинциальных лицеях в основном вообще не имеют никаких публикаций; когда они публикуются, речь идет чаще всего о нефилософских произведениях: о монографиях по местной истории или памятным местам. Преподаватели, сделавшие карьеру в парижских лицеях, напротив, имеют, в своем активе публикации (только у двоих из тринадцати нет публикаций). Что касается преподавателей высших учебных заведений, все они публикуются, а здесь различия между провинцией и Парижем намного менее ощутимы. Однако известно, что парижские философы стараются публиковать большее количество работ; так, они публикуют заметно больше статей, чем провинциальные. Все преподаватели парижских высших учебных заведений публикуют статьи в профессиональных журналах, тогда как их провинциальные коллеги скорее публикуют книги, нежели статьи. Это знак того, что публикация статьи является для молодых авторов не столько испытательным стендом, сколько показателем регулярности производства и присутствия на философской сцене. Тенденция к «разбрасыванию» (измеряемая производством нефилософских произведе-

³⁹ См.: J.-L. Fabiani, *La crise du champ philosophique*, chap. VI, p. 246–283.

Таблица 3. Публикации философов-выпускников
Высшей нормальной школы (выпуски 1860–1910 гг.)⁴⁰

<i>Публикации философов Высшей нормальной школы с любым типом карьеры, в том числе не университетским (всего – 95)</i>		
Никогда ничего не публиковали		23
Публиковали статьи		40
Публиковали книги по философии		44
Публиковали педагогические работы		16
Публиковали другие типы произведений		23
Нет информации о публикациях		0
<i>Публикации философов Высшей нормальной школы, завершивших карьеру в средних учебных заведениях</i>		
Ничего не опубликовали	15	2
Статьи по философии	3	5
Книги по философии	1	4
Педагогические работы	1	2
Другие книги	4	3
<i>Публикации философов Высшей нормальной школы, преподавателей высших учебных заведений</i>		
Ничего не опубликовали	0	0
Статьи по философии	19	9
Книги по философии	18	14
Педагогические работы	6	5
Другие книги	3	4

провинция Париж

ний) менее выражена у парижских факультетских преподавателей, чем у всех прочих: этот факт представляет собой, без сомнения, показатель более значительной профессионализации философского письма.

Высокое положение философии в иерархии дисциплин связано с возможностью для преподавателей, ее избравших, продолжать исследования и после конкурса на степень агреже⁴¹, представляя их к публикации, даже если эти преподаватели не занимают посты в высших учебных заведениях и имеют мало шансов когда-либо их занять. Интеллектуальные амбиции подросткового периода зачастую сохраняются после вхождения в зрелый возраст, связанный с началом преподавания. Данная характеристика — следствие высокого статуса этой дисциплины, которая увеличивает «вероятность продолжать исследования и изыскания до обретения определенного уровня научного признания, в надежде на более серьезное признание в будущем»⁴². В философии дольше, чем в других дисциплинах, сохраняется установка на исследовательскую деятельность в ходе преподавательской карьеры. Впрочем, не менее верно и то, что наибольшими шансами получить признание в качестве философов обладают те, кто публикуется регулярно.

⁴⁰ Упомянутых в некрологах «Ежегодника Содружества старых выпускников Высшей Нормальной Школы».

⁴¹ Степень, присваиваемая выпускникам, успешно прошедшим общенациональный конкурс на замещение должности преподавателя лицея или вуза. — *Прим. ред.*

Чтобы убедиться в обособлении фигур творца и репетитора⁴³, достаточно упомянуть, сколь редки случаи, когда ученики Бергсона блистали на экзаменах и конкурсах⁴⁴. Эта позиция противостоит серьезному отношению гораздо менее известных преподавателей к своему делу. Среди прочих, можно привести в пример Шарля Бурделя, стипендиата родом из Нарбонна, выпускника Высшей нормальной школы, который, после нескольких неудач в конкурсе на степень агреже, сделал заурядную карьеру: «Он из числа тех, у кого занятия в классе повинуются ритму их внутренней жизни. Он не несет своим ученикам ни порядка, навязанного системой, хитроумно выводящей тонкие абстракции, ни курса, методически подогнанного под требования программы. Он ставит проблемы перед вверенными ему умами: он проникает в них, он будоражит их этими проблемами; его философия — это душа, которая сообщает себя; это сознание, которое приумножает»⁴⁵. В более общем смысле, собственно преподавательские достоинства проявляются как важнейшие качества в текстах некрологов, опубликованных в «Ежегоднике Содружества старых учеников Высшей нормальной школы»: тема преподаательства как «священнодействия» оставлена для тех преподавателей, которые менее всего преуспели⁴⁶. Университетский аскетизм, выраженный в подобной характеристике, предстает здесь ярче, чем где бы то ни было, как «негативная форма превосходства», как необходимость превращенная в добродетель⁴⁷. Включая в себя как философа из Коллеж де Франс, так и учителя морали в четвертом (по современной системе) классе провинциального коллежа, философское сообщество, тем не менее, не является чистой фикцией: представление о собственно преподавательских достоинствах разделяется всеми; но превосходство основывается на подчинении этих достоинств высшим добродетелям, которые характеризуют аристократию университетского мира.

Дух и материя

Все обзоры французской философии рубежа веков воспроизводят, лишь с некоторыми нюансами, один и тот же тип философской классификации. Выделяют три больших группы: спиритуализм, критицизм и позитивизм⁴⁸. Мета-

⁴² V. Karady, «Stratégie de carrière et hiérarchie des études chez les universitaires littéraires sous la Troisième République», multigraphié, p. 7.

⁴³ «Répétiteur» по фр. означает как низшую преподавательскую должность (ведущий семинарские занятия к основному курсу лекций), так и, букв., «тот, кто повторяет». — *Прим. ред.*

⁴⁴ M. R. Mossé-Bastide, *Bergson éducateur*, Paris, P. U. F., 1955, p. 40: «У Бергсона преподавание свободно от забот об университетском престиже».

⁴⁵ Notice nécrologique de C. Bourdel (Annuaire de l'Amicale des anciens élèves de l'École normale supérieure, 1905, p. 130)

⁴⁶ Об Огюсте Бланше можно прочесть: «Роль преподавателя философии была для него подобна священству» (*op. cit.*, 1919, p. 54), а о Шарле Шабо: «Его курс был вскоре превращен в кафедру, а он стал ее заведующим. И, хотя он этого не предвидел, именно это — действительное воплощение его творчества» (*op. cit.*, 1925, p. 121).

⁴⁷ P. Bourdieu et M. De Saint-Martin, «Les catégories de l'entendement profesoral», *Actes de la recherche en sciences sociales*, 1975, n° 3, p. 68–93.

⁴⁸ Бенруби определяет эти три течения как виды реакции: позитивизм родился из «потребности реагировать на крайности эклектизма»; критицизм определяется как «множественная и почти систематическая реакция против всех разновидностей позитивизма»; спиритуализм определя-

физическому полюсу противопоставляется полюс научный. Именно определение науки и ее отношения к философии всегда является критерием дифференциации. Категория «критицизм» присутствует не во всех классификациях и слишком расплывчата, чтобы служить реальным объединяющим принципом⁴⁹. Зато оппозиция между спиритуализмом и позитивизмом, пусть и в форме, смягченной университетским консенсусом о функциях дисциплины, несомненно, позволяет понять взгляды, интеллектуальные проекты и даже сам стиль философов данного периода. Нет речи о том, чтобы прямо объяснить философскую принадлежность теми или иными социальными характеристиками. Спиритуализм и позитивизм не являются выражением идеологии той или иной господствующей группы, как думали сторонники теории отражения. Даже сами эти термины имеют смысл, лишь если рассматривать их в контексте употребления в университетском философском языке. Так, ярлык «позитивизм» не отсылает напрямую к Огюсту Контю, а скорее выражает в целом определенное отношение к научной деятельности и задачам философии. С другой стороны, гомогенизации образования и структуры карьерных возможностей сопутствует относительная гомогенизация социального происхождения университетских философов.

Если брать за основу список ста философов, работавших между 1880 и 1914 гг. и перечисленных в работе Бенруби «Источники и крупные течения современной французской философии», можно отметить, что 10% из них являются выходцами из низших слоев, 10% — из мелкой интеллектуальной буржуазии, 10% — из мелкой деловой буржуазии, 10% — из категории служащих, 5% — из категории рантье и собственников, 28% — из средней интеллектуальной буржуазии, 12% — из средней деловой буржуазии, 11% — из интеллектуальной и политической буржуазии. Никто из философов не происходит, как правило, из аристократии или наследственной крупной буржуазии, а 13% не ответили на данный вопрос. Таким образом, обнаруживается весьма значительное число философов из низших слоев (в основном, сыновья крестьян и мелких сельских ремесленников); это впечатление усиливается, если сравнить происхождение университетских философов с происхождением писателей, занимающих высокую позицию в символической иерархии, что справедливо, например, для театра авангарда, где насчитывается лишь 1,9% выходцев из низших слоев⁵⁰. Однако наиболее примечательна высокая представленность мелкой и средней интеллектуальной буржуазии (39% от общего числа): так, в списке значится шестнадцать сыновей преподавателей и восемь сыновей врачей и аптекарей.

ется как «реакция против научного империализма» (ст. 202). Согласно Полану, имеются три основных типа философских предпочтений: позитивизм, спиритуализм, и мышление, которое объединяет элементы, общие для обеих систем. Следуя Андре Крессону, вопреки существованию многочисленных и противостоящих течений, можно выделить два крупных направления во французской философии: то, что пошло от наследия Огюста Конта, и то, что вырастает из метафизики (*Les grands courants de la pensée philosophique française, 2 vol., Paris, A. Colin, 1927*).

⁴⁹ Это понятие охватывает одновременно импорт во Францию творчества Канта, элементы которого Лашелье и Бутру (среди прочих) интегрировали в спиритуалистскую философию, и наследие Ренувье, которое превратилось в один из краеугольных камней республиканской идеологии.

⁵⁰ См. исследование Р. Понтонна: R. Ponton, *Le champ littéraire en France 1865–1905*, Paris, E. H. E. S. S., 1977.

Не существует борьбы классов (или классовых фракций) в теории. Но отмеченные различия между представителями двух групп, выделенных на основе списка философов, упомянутых в таблицах обзорных работ⁵¹, позволяют прояснить исходное отношение к социальному миру, которое предопределяет интеллектуальные проекты. Мы взяли два показателя: профессию отца и место рождения⁵². Философы позитивистской ориентации происходят по большей части из интеллектуальных слоев буржуазии, и в особенности, средней буржуазии (см. таблицу 4).

Поражает относительная социальная однородность этой группы философов. Подавляющее большинство среди них — обладатели унаследованного культурного капитала; многие из них — сыновья преподавателей и врачей⁵³. Теоретический оптимизм и веру в освободительную и секуляризирующую миссию интеллектуальной деятельности можно объяснить ранним знакомством с миром, где знание обладает моральной и социальной ценностью и где оно часто противопоставляется вере и верованиям. Известно, например, что в медицинской идеологии середины XIX века господствовал научный оптимизм, и что у врачей существовала настоящая философская традиция⁵⁴. Это интеллектуальное наследие для университетских философов выступает одним из неявных условий формирования интеллектуального позитивистского или «научного» проекта. Спиритуалистскую тенденцию, напротив, характеризует слабая представленность фракций интеллектуальной буржуазии и относительная значительность числа сыновей, чьи отцы обладают экономическим капиталом. Впрочем, социальный состав спиритуализма не однороден, а представлен двумя фракциями: интеллектуалы низшего происхождения, которых много среди католических философов, соседствуют здесь с детьми средней деловой буржуазии (среди антипозитивистских философов есть несколько сыновей оптовых торговцев и крупных коммерсантов). Неудивительно поэтому, что философы-спиритуалисты чаще всего рассматривают философскую работу как управление наследственным имуществом, тог-

⁵¹ См.: J.-L. Fabiani, *La crise du champ philosophique*, p. 14–17.

⁵² Мы не переоцениваем точность показателя профессии отца: к двусмысленностям и неточностям в документах о гражданском состоянии, на основании которых он сконструирован, прибавляется то, что он не позволяет принимать в расчет ни семейные траектории с течением времени, ни брачные стратегии университетских преподавателей Третьей Республики, которые нередко выгодно, и даже очень выгодно женятся.

⁵³ Так, Рише, Дюма, Рибо, Ле Дантек и Бине — сыновья врачей, Эспинас — сын аптекаря, Хальбвакс, Фоконне, Бело, Раух, Вормс и Байе — сыновья преподавателей.

⁵⁴ См. в «Медицинской Франции XIX века» Жака Леонара о вопросе отношения врачей с идеологией сциентизма (в частности, «Le débat autour du scientisme», p. 236–237): «Врачебный цех натягивает свои любимые струны, как только песенка заходит об идолах века: образовании, сбережениях, здоровье. Во всех случаях он делает оркестровку на тему прогресса» (с. 236). Врачи также являются философами (вспоминается доктор Паскаль у Золя, который полагает, что «будущее человечества — в прогрессе разума посредством науки»). «Введение в экспериментальную медицину» Клода Бернара принадлежит также к распространенному в XIX веке жанру — философского сочинения по медицине: «Публикуя свое “Введение”, Клод Бернар удовлетворял правилам жанра, весьма развитого с самого начала века. Когда в 1834 году медицинский факультет в Париже объявляет конкурс на кафедре психологии, кандидаты (...) должны написать “работу об общих положениях психологии, о плане и методе, которым нужно следовать в преподавании этой науки”» (G. Ganguilhem, *Études de l'histoire et de philosophie des sciences*, p. 152).

Таблица 4. Место рождения, профессия отца и теоретическая принадлежность основных философов (классификация философских направлений взята у Исаака Бенруби)

<p><i>Психология</i></p> <p>А. Эспинас. Сан-Флорентен. Аптекарь. Т. Рибо. Генгам. Аптекарь. Пьер Жак. Париж. Судебный чиновник.</p> <p>Ф. Ле Дантек. Плугастель-Даула. Врач. А. Бине. Ницца. Врач. Ж. Дюма. Лединьян. Врач.</p>	<p><i>Основатели «Журнала метафизики и морали» и Французского философского общества</i></p>		<p>К. Леон. Париж. А. Лаланд. Дижон. Цензор.</p> <p>Ж. Сеай. Париж. Врач. Поль Жане. Париж. Королевский торговец музыкой.</p> <p>Ф. Равессон. Намюр. Главный казначей. В. Эгер. Париж. Преподаватель Сорбонны.</p> <p>А. Фуйе. Париж. Профессиональный управляющий. Олле-Лапрюн. Париж. Собственник. А. Бергсон. Париж. Художник. Ж.-М. Гойо. Лаваль. Промышленник.</p> <p>Э. Бутфу. Монруж. Служащий. Ж. Лашелье. Фонтенбло. Капитан первого ранга. Ш. Дюпан. Нант. Оптовый торговец.</p> <p><i>Наследники Мен де Бирана</i></p>
<p><i>Моральная философия позитивистского толка</i></p> <p>Ж. Бело. Страсбург. Преподаватель. Л. Леви-Брюль. Париж. Торговец</p> <p>Ф. Раух. Сен-Мартен-де-Вину. Воспитатель.</p>	<p>Л. Лиар. Фалез. Столяр. А. Марион. Сан-Паризан-Визи. Земледелец. А. Аннекен. Паны/Солькс. Воспитатель. Ж. Ланьо. Метц. Свечник. В. Брошар. Кесне-сюр-Дель. Таможенник.</p> <p>О. Амлен. Лион-д'Анжер. Нотариус. Ален. Мортань-о-Перш. Ветеринар. Л. Дориак. Брест. Конрад-адмирал.</p> <p><i>Критический рационализм</i></p>	<p><i>Другие философы-спиритуалисты</i></p> <p>Ж. де Готье. Париж. Директор типографии. А. Делафруа. Париж. Преподаватель.</p> <p>Ж. Банда. Париж. Оптовый торговец.</p> <p>Ж. Сорель. Шербург. Оптовый торговец.</p>	
<p><i>Дюркгеймская социология</i></p> <p>П. Фоконне. Сен-Дени. Директор учреждения. Э. Дюркгейм. Эпиналь. Раввин.</p> <p>М. Хальбвакс. Реймс. Преподаватель. М. Мосс. Эпиналь. Раввин.</p> <p>С. Бугле. Сан-Брио. Капитан-лейтенант. С. Лало. Периге. Контролер качества табака.</p>	<p><i>Другие философы-спиритуалисты</i></p> <p>Л. Лабертоньер. Шазле. Башмачник. Р. Алье. Вовер. Оптовый торговец.</p> <p>А. Луази. Амбриер. Земледелец.</p> <p>М. Блондель. Дижон. Нотариус.</p>		

да как позитивистские философы склонны к интеллектуальному реформизму. Так, например, Леон Олле-Лапрюн⁵⁵, представитель спиритуализма, наименее склонного к инновации и изменению условий философской деятельности, является сыном собственника. Для Олле-Лапрюна, «удел человека не в том, чтобы быть ученым, но в том, чтобы быть добрым»⁵⁶; он не перестает критиковать тенденцию к сциентизации философии.

Эти социальные различия усиливаются таким показателем, как место рождения. В группе спиритуалистов насчитывается больше парижан: почти

⁵⁵ Олле-Лапрюн (1838–1912) был преподавателем в среднем учебном заведении до 1875 года, затем лектором в Высшей нормальной школе. Об Олле-Лапрюне см.: G. Fonsegrive, *Léon Ollé-Laprune, l'homme et le penseur*, Paris, Bloud et Gay, 1912.

⁵⁶ L. Ollé-Laprune, *La certitude morale*, Paris, Belin, 1880.

все лидеры этого направления родились в Париже (Поль Жане, Виктор Эгер, Анри Бергсон, Анри Делакруа, Леон Олле-Лапрюн, Ксавье Леон). Движение, группирующееся вокруг Ксавье Леона и «Журнала метафизики и морали», возглавляют парижане. Парижское происхождение предполагает одновременно раннее знакомство с социальным пространством, в котором будут в дальнейшем разворачиваться образование и карьера, более широкую сеть знакомств в интеллектуальном поле в широком смысле (с художниками, писателями, музыкантами) и большую близость к литературному полю. Философы, считающиеся позитивистами, как правило, позднее получают доступ в парижское интеллектуальное пространство: первое знакомство со столицей происходит, в основном, в период подготовки к вступительному конкурсу в Высшую нормальную школу, и нередко сопровождается ощущением вырванности из привычной среды и тревоги.

Спиритуализм и позитивизм можно различать и по другому признаку: по объему кандидатских диссертаций краткость спиритуалистов контрастирует с многословием позитивистов. Во всех гуманитарных дисциплинах в течение XIX века наблюдается постепенное увеличение объема диссертаций: это изменение часто рассматривается как критерий научного прогресса и профессионализации. Но хотя столь короткая диссертация, как, например, текст Равессона о привычке (48 страниц), уже немыслима в последней четверти века, длина диссертаций, все же, остается весьма различной: она варьируется от 112 страниц в случае диссертации Лашелье до 952 страниц диссертации Буйссона. Средний размер диссертации, посвященной метафизической проблематике — 264 страницы, диссертации по психологии — 375 страниц, а по социологии — 381 страница⁵⁷. Эти различия иллюстрируют [дискурсивную] плотность метафизики: спиритуалисты испытывают меньшую нужду в письменном самовыражении для того, чтобы добиваться признания. Существуют объективные признаки философской глубины [помимо этого].

Констатируя неслучайность этих различий, можно сделать вывод о существовании двух философских типов в университете на рубеже веков: провинциалу с позитивистскими предпочтениями, обладателю унаследованного культурного капитала, противостоит парижский спиритуалист, владеющий наследственным экономическим капиталом. Такое утверждение неизбежно редуцирующе — так, Анри Делакруа, сын лицейского преподавателя, причисляется к спиритуалистам, — однако оно позволяет зафиксировать как симпатии, так и антипатии между индивидами. Философ-художник или философ-метафизик, с одной стороны, и философ-ученый, с другой, выстраивают свои интеллектуальные проекты, основываясь на различном первичном отношении к социальному миру.

Бдение у границ

Каковы же законодательные амбиции, которые предполагает утверждение философии на вершине иерархии знания? В контексте возрастающей автономии частных наук, какова истинная предметная область венценосной дис-

⁵⁷ См. J.-L. Fabiani, *La crise du champ philosophique*, chap. VI, «Les philosophes et leur œuvre».

циплины? В конце XIX века вопрос о специфике философского дискурса оказывается в центре дебатов: философы посвящают значительную часть своего времени тому, чтобы попытаться определить место своей дисциплины в отношении религии, литературы и наук. В этом поиске преподавательский корпус производит одновременно и особый язык, и специфический предмет. Тогда как философия вынуждена все более и более оставлять различные предметные области другим дисциплинам и дискурсам, ее собственные темы становятся отражением объективной ситуации, когда она должна непрерывно отмежевываться от прочих специальностей и подчеркивать свое отличие. Содержание философского дискурса выражает, таким образом, структуру поля знания: философы блюдут границы территории, обнаружить которую становится все сложнее, но бдительность их не знает передышки.

Высокое положение философии обеспечивается всей системой гуманитарного знания. Виктор Кузен, который участвовал в организации преподавания философии, приложил значительные усилия к тому, чтобы сблизить ее с гуманитарными науками. Луи Кутюра в предисловии к своей диссертации «Математическая бесконечность» (1894 г.), указывает на длительное молчание философии в отношении научных проблем: «Примерно на протяжении века по различным причинам, которые мы не станем сейчас изыскивать, философия оказывается оторванной от Науки и безразличной к ее прогрессу. Оставляя физический мир ученым, она замкнулась в исследовании сознания; она решила, что может позволить себе уединиться в самодовлеющей области — в ментальном мире — и раскрыть его законы при помощи особого метода, интроспекции...»⁵⁸ Этот отрыв философии от наук, какими она их себе представляет, отчетливо проявляется в программе философского образования: философия науки, взятая за логическую модель, является методологией, полностью посвященной поиску критерия истины, который был бы независим от исторических условий производства высказываний. Именно этим объясняется тот факт, что когда в учебниках философии речь заходит о науках, ссылаются в основном на Аристотеля и Бэкона. Как замечает Кутюра, в каком-то смысле спиритуалистской философии нечего сказать о научной деятельности. Метафора венченности не должна вводить в заблуждение: философия, оставляя за собой в качестве предметных областей мораль и психологию, смолкает в отношении прочих знаний. Философы не стремятся снова наложить руку на дисциплины, которые уже автономизировались: их законодательное рвение распространяется, скорее, на вновь возникающие сферы знания. Так, в учебнике логики спиритуалиста Рабье, без сомнения, самом популярном в конце XIX века⁵⁹, философия определяется как «объединение психологических и метафизических наук». В [представленных здесь] номенклатурах и классификациях находит выражение теория ограниченного суверенитета философии. Всегда существует явная или неявная иерархия дискурсов, в рамках которой философия помещается на вершину знания. Когда Рабье определяет свой предмет по отношению к «наукам о чувственном мире», он обосновывает производимую им иерархию с отсылкой к платоновской аллегории пещеры: науки о чувственно воспринимаемом — это науки о видимо-

⁵⁸ L. Couturat, *De l'infini mathématique*, Paris, Alkan, 1984, p. VII.

сти. Такое разграничение предметов не имеет отношения к методу; его функция состоит прежде всего в том, чтобы установить пределы вмешательства философии: существует территория, на которой она может оставаться законодателем. До сих пор не завершенная институционализация социальных наук во Франции объясняется отчасти этой силой философской юрисдикции.

Если кузеновский спиритуализм во многом оставляет в стороне проблематику науки, то для республиканской философии вопрос науки продолжает оставаться основной проблемой. И именно вокруг природы и пределов науки в конце XIX века разгораются споры среди представителей сугубо «гуманистической» культуры. На самом деле, традиционное образование философов не предполагает ни изучения науки, ни даже введения в нее. В последние годы XIX века в философское образование пытаются включить минимальные научные сведения: от кандидатов на степень агреже требуется быть выпускниками специализированных научных классов лицея или иметь сертификат о прослушанном курсе лекций по той или иной научной дисциплине в университете. Посредством этого требования утверждается идея о том, что нечто такое, как научное знание, даже если оно представлено в виде ускоренного курса или редуцированной модели, способно придать вес философскому суждению. Именно с этой точки зрения нужно интерпретировать дебаты о научном образовании преподавателей философии, развернутые в 1890 году: преподаватели должны заставить поверить, что они достаточно подкованы, чтобы говорить о том, о чем они говорят. В 1895 году Фредерик Раух обращает внимание на «нынешнюю недостаточность научного образования преподавателей философии» и подчеркивает, что было бы полезно попытаться исправить подобное положение. На самом деле преподаватели философии обделены: «Можно лишь пожалеть, — добавляет Раух, — тех из университетских философов, кто не чувствует со всей остротой пробелов в своем базовом образовании. Многие, правда, стараются наверстывать упущенное позже; однако они прекрасно осознают, насколько трудно это делать, когда житейские и профессиональные заботы поглощают без остатка, — и как им при этом не достает твердых начальных знаний»⁶⁰. Полумера, предложенная Раухом, состоит в том, чтобы обеспечить «философское научное образование», у которого тройная цель: «познакомить с самыми важными результатами фундаментальных наук, приобщить к пониманию методов и к духу актуальной науки и внести ясность в хрестоматийное изложение вопросов, демонстрируя историю их развития». Раух подчеркивает, что образование этого типа — сугубо начальное, поскольку оно не требует предварительных научных знаний; он называет его «начальным высшим образованием». Странное соединение начального и высшего является признаком того, что некоторые философы ощущают бессилие от своего научного невежества: отныне в венценосной дисциплине обнаруживаются зазоры.

С другой стороны, владение сертифицированным научным капиталом становится для философов способом заставить признать свой авторитет внутри самого философского поля. Чаще всего научная компетенция философов

⁵⁹ E. Rabier, *Leçons de la philosophie*, Paris, Hachette, 1884.

⁶⁰ «L'éducation scientifique des professeurs de philosophie», *Revue de métaphysique et de morale*, 1895, p. 233–238.

весьма дозированной⁶¹. Тем не менее можно привести несколько примеров двойного образования: Леон Брюнсвик и Луи Кутюра имеют сертификаты о трехлетнем научном образовании; Пьер Жане и Жорж Дюма – кандидаты медицинских наук. Недаром комментатор представляет работы Кутюра и Брюнсвика как «памятники математической учености не в меньшей степени, чем учености философской»⁶². Однако с философами соперничают ученые, которые, привнося свою профессиональную компетентность в философское поле, в конце концов, превращаются в философов, а также те из их коллег, которые разрабатывают философские концепции различных наук. Эти концепции во Франции являются издавна утвердившейся областью. Их успех ставит под вопрос существование собственного объекта для философии науки. Неизбежные трудности, которые встречается философский дискурс о науке, иллюстрируются примером Бергсона: приверженец преподавания истории науки, автор «Длительности и одновременности» видел трудность в том, что наука не может корректно ставить философские проблемы, тогда как философии не хватает необходимых научных познаний в решении этих проблем; так Бергсон не был удовлетворен собственной работой об относительности⁶³.

В действительности, дискурсивное изобилие по темам ценности и пределов научного знания в конце XIX века имеет двойное назначение: оно состоит в том, чтобы сохранить за философией место в порядке знания и одновременно указать основателям социальных наук на, скорее, примитивный характер их апелляции к науке. Если рассматривать тему критики науки в той форме, которую она приняла внутри философского поля, можно увидеть, что на философские концепции науки [, созданные самими учеными] чаще всего ссылались затем, чтобы указать приверженцам таких становящихся дисциплин, как психология или социология, на их научную отсталость, поскольку механицизм и сциентизм, который им приписывали противники, отвечали предшествующему состоянию развития наук. Именно это объясняет, почему вопрос науки стал принципиальной ставкой в борьбе между нео-спиритуалистами и основателями новых наук.

Рождение университетского автора

Философы, издатели, писатели

Итак, Третья республика – это время истинного рождения философского университетского автора. Ряд издателей, постепенно появившихся на протяжении XIX века, были необходимыми посредниками между философами и их новой аудиторией. Сферу ученого книгоиздания развивали, главным обра-

⁶¹ См., например, П. Легэ о Лаланде, которому – нужно заметить – он враждебен (*La Sorbonne*, Paris, 1910, p. 100–101): «Далеко не всегда он достаточно сведущ в науках, на объяснение метода которых претендует; его студенты охотно рассказывают, как ему случилось потеряться в деталях исчисления бесконечно малых или покрыть доску уравнениями, которых он в конечном счете не мог решить».

⁶² D. Parodi, *La philosophie contemporaine en France*, op. cit., p. 200.

⁶³ M. R. Mossé-Bastide, *Bergson éducateur*, op. cit., p. 249.

зом, индивиды, обладающие образовательным капиталом, то есть интеллектуальными характеристиками, отличными от характеристик большинства их собратьев, а также капиталом отношений в университетском поле. Эти издатели привнесли в поле производства книг систему диспозиций, которая была следствием их отношения к образовательной системе. Речь идет, в частности, об отсроченной выгоде: издатели ученой литературы в состоянии поставить дело так, чтобы «долго ждать возмещения своих затрат». Это отношение ко времени предоставляет философскому произведению привилегию неспешности [la durée]. Добиваясь отсроченных выгод и высокой символической прибыли, которая с ними связана, ученый издатель сближается с интеллектуалами, которых издает. В книге воспоминаний об издательском доме своего отца, Жан-Батиста Бэльеера, Анри Бэльеер настаивает одновременно на стабильности и постоянстве ученого книгоиздательства, а также на важности отношений издателя с интеллектуальным полем. «На протяжении почти века, — пишет он, — книжный магазин Ж.-Б. Бэльеера управляется одной и той же семьей»⁶⁴. Расположенный на улице Отфей, издательский дом связан с различными интеллектуальными профессиями. Дело в том, что издатели и авторы живут в одном квартале: «Среди жителей улицы Отфей мы знали священников, ученых, членов Французской Академии и различных классов Института⁶⁵, художников, и особенно судейских людей и книготорговцев». Эта пространственная близость и интенсивность отношений, в числе прочих, характеризуют функционирование парижского интеллектуального поля. Издатель и его авторы вовлечены в ансамбль отношений, которые могут привести и к полному отождествлению: Анри Бэльеер представляет свою деятельность как работу «скромного сотрудника» великих людей.

Есть и другой издатель, которого охотно ассоциируют с французской философией этого периода — Феликс Алкан. Его издательство выросло на подъеме научной книготорговли в XIX веке, и, хотя его каталог далеко не полностью (меньше, чем мог бы) посвящен философии, образ этого издателя тесно связан с коллекцией «Библиотека современной философии». Теодор Зельдан обращает внимание, что обилие книг по философии, изданных Алканом, представляет собой нечто исключительное⁶⁶. Он показывает, до какой степени связаны между собой собственно философское производство, специфический образ издателя и воздействие, которым обладает сама коллекция.

Феликс Алкан, родившийся в 1841 году в семье книготорговцев, принадлежал к еврейской общине Метца. Он поступил в Высшую нормальную школу на научное отделение, но всегда, со времен своего пребывания в Школе, был связан со студентами-гуманитариями, что, кажется, нечасто бывало с теми, кто изучал естественные науки в этот период⁶⁷. Он находился в тесной дружбе, в частности, с философом Рибо и историком Моно, которые впоследствии сыг-

⁶⁴ H. Ballière, *Rue Hautefeuille*, Paris, J.-B. Ballière, 1901, p. 258.

⁶⁵ Речь идет об Institut de France, рамочном учреждении объединившем в 1795 г. пять французских академий; Институт имеет образовательный отдел. — *Прим. ред.*

⁶⁶ T. Zeldin, *France 1848–1945*, vol. 2, p. 368.

⁶⁷ Об Алкане, см. хвалебную речь, произнесенную Люсьеном Леви-Брюлем, опубликованную в форме брошюры, а также некролог, составленный Жоржем Дюма для «L'Annuaire des anciens élèves de l'E. N. S.» (1926, p. 18–22).

рали важную роль в жизни издательского дома. Алкан был большим любителем музыки — качество, в основном приписываемое гуманитариям. Как утверждает Жорж Дюма, еще в свою бытность студента Школы он задумал создать в Париже «большой книжный магазин, серьезный и оживленный, широко открытый для всех интеллектуальных концепций, различных философских школ, научных проявлений любого рода». Можно полагать, что именно школьная история Алкана (и особенно постоянное вращение в среде студентов Высшей нормальной школы), лежит в основе этой плюралистской концепции издательства. Недолгое время Алкан был преподавателем — коллегой Лависса в Нанси — но через год должен был взять отпуск, чтобы помогать своим родителям управлять книжным магазином. Тем самым, он начал постепенно реализовать свой проект, для начала объединив усилия с издателем Жермер-Бэльером, а затем в одиночку взяв на себя управление издательским домом. Он накопил весьма существенный фонд, состоящий, главным образом, из работ по медицине, науке и философии; в частности, там было несколько коллекций, среди которых — «Библиотека современной философии». Именно у Алкана выходят крупные журналы по философии и социальным наукам этого периода: «Философский журнал», «Психологический ежегодник», «Социологический ежегодник» и «Журнал по нормальной и патологической психологии». В течение этого периода издательский дом бурно развивался, экспортируя значительную часть своей продукции. Известно, что экспорт в целом считался слабым местом французской книготорговли; таким образом, философское книгоиздание представляет в этом отношении исключительный пример⁶⁸.

Сам Алкан являет собой совершенно нетипичную фигуру: он владеет тем же видом культурного капитала, что и философы этого периода (он агреже Высшей нормальной школы), и, кроме того, его семья предоставила экономический и социальный капитал, который позволяет ему организовать коммерческое предприятие. Алкан занял свободную нишу в поле французского книгоиздания, открыв своим товарищам по Школе возможность действовать в роли руководителей коллекций и сформировав новое отношение университетских преподавателей к книгоизданию. Эта глубокая оригинальность Алкана в пейзаже французской книготорговли объясняет, по крайней мере отчасти, его исключительный успех. Алкан вверил Рибо, который руководил у него «Философским журналом», и Моно, руководившему «Историческим журналом», настоящие издательские полномочия, полностью сохраняя за собой окончательный контроль за решениями. У Алкана университетские преподаватели могли влиять на распространение своих идей; точнее говоря, он предложил философам возможность войти в издательское поле: успех книги стал одним из важных элементов карьеры университетского философа. «В течение своей долгой издательской жизни, — отмечает Леви-Брюль в речи на похоронах этого издателя, — Феликс Алкан поддерживал отношения со сменяющимися друг друга поколениями ученых, философов, историков, врачей, биологов. Не счесть тех, кто посещал его дом, столь просто и дружески приветливый...» Продолжение университета, с которым он тесно связан, издательский

⁶⁸ Согласно Бэльеру (*La crise du livre*, p. 19), «сами иностранцы не хотят больше французской книги: экспорт французской книги снизился на 4 миллиона франков между 1899 и 1900 гг».

дом — и дом издателя — становится узлом коммуникации между интеллектуалами, где обмениваются информацией или разрабатывают верный стиль жизни, определенную манеру быть интеллектуалом. Именно внутри издательского дома по образцу Школы поддерживаются и обновляются отношения между университетскими преподавателями: «Дом, — пишет Жорж Дюма, — был во многих отношениях продолжением Школы. (...) Здесь, возвращая к временам молодости, обращались друг к другу на “ты”». Имеет место своего рода проекция в издательский мир системы иерархий и отношений, которые структурируют университетское поле: тогда как в других издательских домах, хотя и каждый раз в разной форме, университетские преподаватели должны вести переговоры с издателями, чтобы заставить ценить свою точку зрения, и отношения при этом часто строятся на взаимном непонимании, университетская легитимность у Алкана мгновенно переводится в издательские термины: хорошая диссертация без каких-либо изменений может стать хорошей книгой. Кажется даже, что сугубо коммерческие отношения между авторами и издателями имеют здесь меньшее значение, чем где-либо еще (или, может быть, точнее, обе стороны предпочитают не говорить об этом), как если бы экономическая реальность этих отношений стремилась стать невидимой: если верить Жоржу Дюма, здесь «быстро договаривались по поводу даты и никогда не говорили о ценах, всегда одних и тех же и принятых единожды для всех». Даже если это впечатление усилено (и отчасти произведено) почтительным университетским дискурсом, можно сказать, что издательский дом мыслится, скорее, как продолжение университета, чем как коммерческое предприятие. Алкан — интеллектуальный директор своего издательского дома, даже если, как правило, его издательские решения только подтверждают университетскую легитимность. «Все, кто публиковался в коллекциях этого издательского дома, знают, какой контроль велся за рукописями, и что сам Алкан, всегда прибегая к советам специалистов, читал их почти все», — пишет Жорж Дюма.

Легитимность коллекций, опубликованных Феликсом Алканом, была особенно явной в случае философии, и можно без риска преувеличения говорить о реальной монополии на философское ученое книгоиздание. Люсьен Леви-Брюль рассказывает, что в испаноговорящих странах было придумано слово «алканист», чтобы обозначать все произведения, опубликованные в «Библиотеке современной философии». Имя издателя становится знаком французской университетской философии, выражая отношение, которое поддерживает философский дискурс с материальными условиями своего распространения. Эффект интеграции, который оказало почти монопольное положение издательского дома на «французскую философию» — каковую в пределе можно описать как все то, что было издано в этой коллекции, — доступен измерению. Можно проиллюстрировать данное положение подсчетом, осуществленным на основе обзора философской активности с 1890 по 1900 год: в работе «Десять лет философии», и, в особенности, в примечаниях к ней, Люсьен Арреа упоминает определенное количество произведений, значимых для современных ему философских направлений. В целом, приводится 71 название: из них 56, то есть, более, чем три четверти, изданы Алканом. Если сделать перерасчет по каждой из глав, можно прийти к следующим результатам:

Социология: 16 названий из 19 опубликованы у Алкана;

Психология: 13 из 13;
Эстетика: 12 из 18;
Мораль и религия: 6 из 8;
[Философские] доктрины: 8 из 11.

Это позволяет указать на особую важность, которую издательство Алкана имело в новых дисциплинах — психологии и социологии — где оно было важнейшим инструментом распространения⁶⁹. Жорж Дюма может сказать, что «за несколькими исключениями, все более-менее значительное во французской философии начиная с 1875 года собрано в “Библиотеке современной философии”». Благодаря Алкану, университетская философия обрела инструмент сохранения и усиления своей легитимности. Конечно, не все авторы, опубликованные Алканом, принадлежали университету, но они были гораздо менее многочисленны и почти всегда близки к университетским по манере письма — в силу издательского контроля, который был способен обеспечить сходство процедур постановки и рассмотрения вопросов в согласии с университетским стилем. К примеру, такой автор как Гюстав Ле Бон, занимавший институционально маргинальное положение, получил отказ Алкана в отношении нескольких рукописей, поскольку те не отвечали критериям, явно или неявно принятым в отношении работ, способных попасть в коллекцию.

Значение этого издателя для французской философии измеряется не только — как утверждали хвалебные речи — вкладом в культурное величие данной дисциплины но, прежде всего, утверждением в социальном мире знаков философской университетской легитимности. Философы нуждались в «эффекте Алкана», который материализовал в пределах коллекции [их] универсум легитимности. Этот эффект был продолжением, если не порождением, легитимности, исходящей из философии, ее положения в иерархии дисциплин и общего подъема университета; однако существование «Библиотеки современной философии», в свою очередь, производило эффекты, сосредоточенные на социальном признании философской легитимности. Это признание отражается, среди прочего, в потоке философских рукописей, направляемых Алкану: «Так как было честью попасть туда, — рассказывает Жорж Дюма, — многие стремились к этому столь страстно, что в литературных кругах в какой-то момент был изобретен термин “алканиит”, чтобы обозначить болезнь, не тяжелую, но стойкую, единственный симптом которой состоял в желании быть изданным в философской коллекции Алкана». Эта забавная история отражает прорыв философии в литературное поле начала XX века: введя в издательское поле критерии, порожденные университетом, Алкан серьезно поспособствовал тому, что университетские авторы заняли место на рынке литературы в широком смысле. Конечно, работы, опубликованные в «Библиотеке современной философии», не были родственны проявлениям литературного авангарда, но легитимность, которой они были обеспечены в литературном поле, располагала их к успеху в социальном мире, далеко превосходящем периметр университетских стен, хотя изначально именно для этих стен они и были предназначены.

⁶⁹ L. Arréat, *Dix ans de philosophie*, Paris, Alkan, 1901. Другой подсчет, сделанный на основе докторских диссертаций, подтверждает это впечатление: из 91 диссертации, опубликованной в Париже в течении этого периода, 65 изданы у Алкана.

Термин «коллекция» не должен вводить в заблуждение. В «Библиотеке современной философии» нет ни теоретического, ни идеологического единства. Алкан публикует одновременно Бергсона и Дюркгейма, Бине и Брошара. «Алканизм» является продуктом южноамериканского видения французской философии⁷⁰. Единство коллекции создают не только тема и тип интеллектуальной ангажированности, но общая принадлежность к университету и соответствие университетским критериям. Как мы знаем, логика университетского производства не предполагает создания школ: по общему правилу, каждый автор работает, ориентируясь только на собственное творчество. В этом смысле, не существует ни идеологических критериев качества работы (по крайней мере, явных), ни школьных критериев: в целом, нет критериев перевода диссертационных норм в поле книгоиздания. «Алкановский клуб» не предполагает общих теоретических предпочтений: здесь каждый преследует свою цель, при взаимном признании некоторых критериев школьного мастерства. Но «алканизм» не является лишь следствием оптической иллюзии; по ту сторону эффекта обложки (эта «хорошо известная зеленая обложка», о которой говорит Леви-Брюль, и которая, кажется, вполне выражает университетский габитус), «Библиотека современной философии» выражает что-то вроде согласия университетских философов этого периода относительно работы и способа ее реализации.

Тем не менее, монополия Алкана не тотальна: не все университетские философы принадлежали к одной и той же обойме авторов. В начале XX века другой издатель, Фламарион, стремится разнообразить свою деятельность и начинает развивать собственный раздел философской и научной литературы. Фламарион не является по происхождению ни школьным, ни ученым издателем, но в этот период он — один из крупнейших парижских издателей по объему своей продукции⁷¹. Его философская коллекция носила название «Библиотека научной философии»: она была основана в 1902 году Гюставом Ле Бонем. Ле Бон хотел руководить этой коллекцией у Алкана (еще один признак легитимности этого издателя); он считал, что «Библиотека современной философии», где он начал публиковаться, имела слишком узкие границы и была адресована только философски образованной публике — что в точности соответствовало намерениям Алкана. Ле Бон, в отличие от университетских преподавателей, жил со своих произведений и не желал ограничивать себя исключительно символическими выгодами, предложенными алкановской коллекцией; он хотел взять в свои руки управление коллекцией, предназначенной для широкой публики. То, что он публиковался у Алкана, позволило бы ему сочетать высокий символический доход, связанный с этим именем, и гарантированную прибыль с довольно обширного рынка. Однако Алкан отказался от предложения, которое столь явно противоречило его издательской политике. Тогда Ле Бон обратился к Фламариону, который согласился запустить коллекцию, где философское и научное исследование представало бы в доступной форме.

⁷⁰ Речь идет прежде всего о Бразилии, интеллектуальный мир которой с конца XIX в. в существенной степени ориентирован на Францию. — *Прим. ред.*

⁷¹ Согласно Нере (J.-A. Néret, *op. cit.*, p. 282), издательская активность Фламариона приобретает особенный размах непосредственно перед войной: в 1912 году кажется, что он превзошел даже Кальман-Леви.

Первые тома коллекции появились в 1902 году. Со всеми 250 заглавиями Ле Бон опубликовал больше книг, чем «Библиотека современной философии». Его книги часто были трудами известных университетских преподавателей (например, «Наука и гипотеза» Пуанкаре). Он использовал многочисленные связи в интеллектуальном поле, чтобы привлечь известных авторов, и активно занимался продвижением работ из своей коллекции. Он ввел в философское книгоиздание новый стиль, основанный на быстром успехе, что предполагало некоторые специфические критерии: легкое чтение, увлекательные темы, общие рассуждения, пространные описания, создание интеллектуальных событий. Именно Лен Бон был одним из главных изготовителей идеи, согласно которой «интеллектуальная революция» рубежа веков произошла вокруг конвенционализма. Таким образом, он задал основы своеобразной философской сенсационности, способной вызвать интерес у широкой публики. Ле Бон часто хвастался тем, что он «человек, который заработал для Фламариона больше всего денег», и исследование кризиса книготорговли, кажется, подтверждает это высказывание. Хотя сложно назвать точную цифру, можно сказать, что большинство наименований в коллекции достигали тиража более 10 000 экземпляров — цифры, намного превосходящей средний тираж изданий Алкана. Среди авторов коллекции можно обнаружить ряд университетских преподавателей, которые публиковались также и у Алкана, в частности — если называть только самых известных — Бергсон, Бутру, Ле Дантек, Бине и Пьер Жане. Таким образом, между философией, публикуемой Алканом и Фламарионом, нет радикального разрыва. Различия нужно искать, скорее, со стороны презентации изданий.

Ле Бон стремился придать идеологическое единство работам, публикуемым в его коллекции, которая в конечном итоге отражала, более или менее прямо, его политические идеи. В этом случае «наука» использовалась как идеологическое оружие. Отметим, что книги, опубликованные в «Библиотеке научной философии», часто были заказными, где в иной форме авторы воспроизводили содержание своих ранее написанных работ, следуя логике популяризации. Чем меньше идея книги принадлежала самим авторам, тем больше они были склонны подчиняться предписаниям руководителя «Библиотеки научной философии», который осуществлял над своей коллекцией безраздельный контроль, изменяя на свой вкус фразы и главы, не совпадавшие с его видением науки и политики. Университетской легитимности, уважаемой Алканом — и деполитизации, которая, как кажется, из нее вытекает — здесь противостояла работа о коммерческой и идеологической эффективности. Здесь о себе заявляет другая фигура интеллектуала-руководителя коллекции — одновременно идеологического «менеджера» и импресарио⁷².

Философы и светское общество

Философские университетские авторы противостоят свободным интеллектуалам, каковыми являются писатели. Тематизированная Альбером Тибодом в «Республике преподавателей», эта оппозиция лежит в основании многих де-

⁷² О Ле Боне — руководителе коллекции см.: R. A. Nye, *The Origins of Crowd Psychology, Gustave Le Bon and the Crisis of Mass Democracy in the Third Republic*, Londres, Sage, 1975.

батов. Вопрос состоит в том, чтобы знать, кто уполномочен говорить о философии. В статье для «Журнала метафизики и морали» Альфонс Дарлю критикует вторжение литераторов в интеллектуальную сферу в следующих терминах: «Большая беда этого века та, что в качестве духовных наставников мы имеем лишь журналистов, конферансье, театральные деятели. Если консервативная страна нуждается в докторе социальных наук, она доверяется мсье Эдуару Дрюмону. Если она нуждается в разумном человеке, который дал бы ей несколько крупиц здравого смысла в качестве противовесия от стольких парадоксов, рецепт составляет мсье Сарсе. Если ей нужен управляющий по делам совести, дело делает мсье Жюль Леметр»⁷³. То, что критикует Дарлю — это вторжение писателей в сферы, где должны были безраздельно царствовать философы. Далее Дарлю критикует прочтение Брюнетьером текстов Канта, по его словам, «мало доступного профанам», и поддевает писателя, который, желая оснастить свою речь философским авторитетом, цитирует Канта, «ясно доказывая то, что он его читал, но не то, что понял». Комментарий к философским текстам закрепляется, таким образом, за преподавателями философии. В другой статье Дарлю, снова избирая Брюнетьера в качестве мишени, критикует резкий переход писателя из научного позитивизма в католический консерватизм, обращая его внимание на то, что философия решила бы его проблемы и избавила бы от крутых поворотов. «Мы хотели бы напомнить ему, что философия существует»⁷⁴, — пишет Дарлю; и заканчивает свою статью защитой университетской философии, которая существует как «социальная сила», независимо от науки и религии. Философия отличается от литературы и риторики, ибо, согласно Дарлю, «она касается основания вещей».

Однако и писатели с философскими претензиями также атаковали преподавателей философии: в частности, Бурже в «Ученике» и Баррес в «Оторванных от корней», где преподаватель философии предстает как манипулятор сознанием, развратитель молодежи. В «Ученике» Адриен Сикст, психолог, описывается следующим образом: «Высокий и покаты́й лоб, рот, выдвинутый вперед и волевой, с тонкими губами, желчный цвет лица, большие глаза, которые слишком много читали, спрятанные за черными очками, тщедушное костлявое тело, полностью покрытое рединготом из толстого сукна зимой, из тонкого — летом, ботинки на шнуровке, слишком длинные волосы, поседевшие раньше времени и слишком редкие под одной из его шляп, называемых шапокляк, которые складываются при помощи специального механизма и очень быстро теряют форму...»⁷⁵ В этом описании проглядывает настоящая философская патология: философ — это больной, который передает болезнь своему ученику. В свою очередь этот ученик, Грезлу, говорит о «плане соблазнения с опорой на философские тексты» (р. 190). Тема философской патологии в иной форме возникает в связи с персонажем Бутейе из «Оторванных от корней». Изобличительный пафос Бурже и Барреса направлен на то, в чем они видят форму интеллектуального мошенничества, употребление незаконного влияния на юные

⁷³ A. Darlu, «De M. Brunetière et de l'individualisme. A propos de l'article «Après le procès»», *Revue de métaphysique et de morale*, 1898, p. 381–400. Данная цитата находится на с. 382.

⁷⁴ A. Darlu, «Après une visite au Vatican de M. Brunetière», *Revue de métaphysique et de morale*, 1895, p. 239–251. Данная цитата находится на с. 249.

⁷⁵ P. Bourget, *Le disciple*, p. 17.

умы. Эта критика преподавателей философии представляет собой литературный аспект противостояния между теми, кто принадлежит к университету, и теми, кто к нему не принадлежит. Гюстав Ле Бон и Жорж Сорель в течение всей своей жизни выражают ярко выраженную неприязнь к университетскому миру и преподавательской философии. Можно сказать, что в определенном отношении эта оппозиция оказывается сильнее, чем противоречия между философскими течениями. Какими бы ни были теоретические и идеологические предпочтения преподавателей, на деле им свойственны общие социальные интересы. Вот почему, в отличие от ряда своих последователей, Бергсон никогда не высказывался против «позитивистской Сорбонны», даже если идеологически он склонялся в сторону правых, которые превратили антипозитивистскую борьбу в свою боевую лошадь. Он просто не мог быть предателем солидарности преподавательского корпуса философии⁷⁶.

Тем не менее, университетские преподаватели не отказывались появляться на интеллектуальной сцене. Философские произведения всегда имеют аудиторию, которая шире круга коллег. Лекции посещают не только студенты. Тем не менее, видя исключительный светский успех бергсонизма, не следует забывать, что чаще всего социальный интерес к университетским философам остается весьма ограниченным: в ежедневной прессе практически не ведется регулярной философской хроники, а преподаватели, чья известность покидает пределы университетского мира, встречаются очень редко.

Политико-литературные журналы, аудитория которых гораздо уже, чем у широкой прессы, предоставляют философии чуть больше места. «Журнал двух миров» публикует спиритуалистов, однако доля статей, посвященных философии, незначительна. «Политический и литературный журнал» («Синий журнал»), читателями которого, в большинстве своем, являются чиновники и интеллектуалы, предоставляет большее место университетской философии; с ним регулярно сотрудничают такие преподаватели, как Поль Жане, Альфред Фуйе, Альбер Бэйе, Селестен Бугле. Эти философы принадлежат к различным течениям, хотя и здесь большинство также составляют спиритуалисты (Кузену, Боссиру, Жоли посвящены несколько статей). В восьмидесятые годы XIX века статьи по философии посвящаются почти исключительно этому течению (о Кузене говорится в четырех статьях, а о Каро – в трех). Начиная с 1890 года, большее место уделяется психологии и социологии. Особое внимание достается Ницше и Шопенгауэру. С 1909 года появляется постоянная рубрика о философском движении, которая доверена писателю Полю Готье: возникает тема философской актуальности, с ее непрерывным потоком новинок. Она сосредоточена вокруг событий академической жизни: статьи посвящаются философам, когда те добиваются почестей (например, избрание Эспинаса в Институт или Бутру во Французскую Академию). «Синий журнал» – периодическое издание, играющее большую роль в распространении публичного образа университетской философии в среде читателей, которые благодаря полученному образованию и социальной позиции, лучше всех способны оценить ее содержание.

⁷⁶ Так, Бергсон поддержал идею кафедры социологии в Коллеж де Франс и уважительно высказывался о Дюркгейме (по М. R. Mossé-Bastide, *Bergson éducateur*, p. 67).

В авангардных литературных журналах о философии вспоминают, но обычно очень редко. Нужно, однако, отметить существование постоянной рубрики во «Французском Меркурии»; за нее отвечает Луи Вебер, связанный с организаторами «Журнала метафизики и морали». Философская рубрика есть также в «Белом журнале» — ее ведет Жюль де Готьё. Сотрудниками этого журнала являются Баррес, Банда, Ле Дантек и Пеги. Свои статьи по случаю опроса о творчестве Тэна там опубликовали Бутру, Дюркгейм и Поль Жане. Однако, согласно подсчетам Артура Джексона⁷⁷, статьи, посвященные философии в «Белом журнале», остаются гораздо менее многочисленными, чем статьи по истории. «Белый журнал» — это издание, несущее на себе яркую печать авангарда; он считался «одним из журналов, где свирепствовал анархизм»⁷⁸, даже если Баррес выступал там — по крайней мере, до дела Дрейфуса — в качестве интеллектуального и литературного образца. Артур Джексон цитирует воспоминания Леона Блюма: «Когда я вглядываюсь в свое отрочество, я понимаю, что после долгого периода обучения я был под властью двух основных влияний: в политике — под влиянием Клемансо времен “Справедливости”, в литературе — под влиянием Барреса»⁷⁹. При этом Баррес был одним из ярких противников республиканского философского образования. В 1880—1914 гг. тесных связей между преподавателями философии и авангардными писателями не было.

В общем виде, именно нео-спиритуализм оказывается ближе всего к литературе: Луи Вебер и Жюль де Готьё, которые не являются университетскими преподавателями — представители определенной формы антипозитивистской реакции. Университетские же философы стремятся расположиться на задворках интеллектуального поля. Скромность — одна из их характерных черт: генеральная инспекция с большим недоверием смотрит на молодых философов, сотрудничающих с журналами литературного авангарда. Интересно было бы понять, в какой момент эти два сектора интеллектуального поля начинают поддерживать тесные и непрерывные отношения — это касается, в основном, уже поколения тридцатых годов XX века. При этом между философами и образованной публикой очень быстро возникает корпус посредников, которые берут на себя представление публике крупных философских проблем текущего момента. Именно таким образом утверждается идея, что существует философская сущность, сосредоточенная на нескольких крупных вопросах (например, вопросе науки или общественной морали), и что философы уполномочены на них отвечать. На этом типе дискурса специализируется Поль Готьё, ответственный за «Политический и литературный журнал»; его работа «Современная мысль» представляет собой прежде всего каталог университетских дискурсов.

На рубеже веков вокруг мадам Людовик Халеви возникает интеллектуальный салон: его регулярно посещают братья Халеви, Ксавье Леон и Леон Брюнsvик; именно там были приняты решения [о создании] «Журнала метафизики и морали» и Французского философского общества. Тогда как в тра-

⁷⁷ A. B. Jackson, *la Revue blanche (1889–1903)*, Paris, Minard, 1960.

⁷⁸ *Ibid.*, p. 23.

⁷⁹ *Ibid.*, p. 55.

диционных салонах были приняты лишь несколько философов, именно у мадам Халеви они оказываются в самом центре салонных связей, общаются с художниками и политиками. Однако речь идет, прежде всего, о парижских философах с высоким социальным происхождением, которые уже аккумулировали весомый капитал связей. Брюнсвик, например, связан с политиками и является другом искусств и литературы: «Его можно было одинаково часто встретить как на выставках современной живописи на улице Ля Боэти, так и в галереях музея Лувра. Он посещал как концерты классической музыки, так и русский балет или прослушивания у Эрика Сати»⁸⁰.

Представительные с точки зрения новых связей между университетскими философами и другими агентами интеллектуального поля, встречи, организуемые Полем Дежарданом с 1910 года вокруг Союза за моральное действие, а затем Декады Понтинья, имеют своей целью дать интеллектуалам пристанище: «Благословенное пристанище недавнего времени, летние Беседы, стремились утвердить благотворный эффект периодического отрыва от того, что рассеивает, искажает и изнашивает — эффект возврата к самой мысли. Но забота об избавлении, в теологическом смысле, не есть источник вдохновения Бесед. Они являются светскими, на деле и по замыслу. Цель их — вдали от шума, непринужденно, применить мой монастырский метод, доказавший свою действенность, к беседе, к укреплению сил чистого разума»⁸¹. В организационном комитете «Бесед» мы находим Андре Жида, Даниеля Халеви, Эмиля Верхерена, Альфреда Луази и Поля Дежардана: это, без сомнения, первая форма институционализированных отношений между университетскими преподавателями и авангардными писателями. Предприятие Дежардана готовит почву для возникновения философского авангарда по образцу авангарда интеллектуального⁸².

Некоторые философы, некоторые темы попадают в модные круги. Однако речь не идет о свободно избранной стратегии. Бергсон был, без сомнения, больше всех удивлен своим успехом в свете и даже порой раздражен им — в той мере, в какой популярность грозила умалить его авторитет в философском сообществе. Модность, которую приобретают отдельные философы, можно объяснить абберрацией: содержание было не столь важным, и светские женщины скучали на лекциях Бергсона. Эмильен Карассю обращает внимание, что «в его светской жизни было трудно усмотреть истинно интеллектуальные склонности»⁸³.

⁸⁰ M. Deschoux, *Léon Brunschvicg ou l'idéalisme à hauteur d'homme*, Paris, Seghers, 1969, p. 180.

⁸¹ Programme des Entretiens d'été de l'abbaye de Pontigny, août-septembre 1910, p. 7.

⁸² Возможно, следует напомнить, что в данном тексте, как и в опубликованной здесь работе Л. Пэнто и в целом во французских социальных науках, «интеллектуал» далеко не всегда используется как простое собирательное имя всех профессионалов культуры, включая (всех) философов. В данном случае «интеллектуал» прямо противопоставлен философу, который занимает должность в образовательном учреждении (университете или лицее), в силу этого имеет стабильную карьеру бюрократического типа и удерживает свою позицию в культурном производстве «по должности», а не благодаря прежде всего капиталу признания (что характерно для интеллектуала). — *Прим. ред.*

⁸³ E. Carassus, *Le snobisme et les lettres françaises. De Paul Burget à Marcel roust, 1884–1914*, Paris, A. Colin, 1966, p. 232.

Из всего этого следует, что университетские преподаватели отныне могут становиться объектом внеуниверситетских увлечений, которые не проходят бесследно для представления о философской деятельности. Эта мода, без сомнения, отражает возрастающий вес университетских преподавателей в интеллектуальном поле, который выражается и в том, что для светских людей смехотворность преподавателей не представляется больше неотъемлемым свойством. Даже если этот феномен все еще остается редким, в свете возникает реальное увлечение лекциями и конференциями. Можно полагать, что эти формы отчасти являются результатом изменений в структуре интеллектуального поля, следствием развития университета и прихода на философский рынок индивидов, обладающих характеристиками, которые отличают их от предшествующих поколений в силу социального происхождения и места рождения (в целом, они одновременно в большей степени парижане и в большей степени буржуа).

Другой примечательный момент — идеологическая сплоченность, которая проступает из-под мозаики интеллектуальных увлечений. Главная тема — пессимизм, и Шопенгауэр — ее основная референтная фигура. К этому добавляется сильная склонность к иррационализму и мистицизму: спиритизм более моден, чем Бергсон. В этом видимом беспорядке салонного хлама можно обнаружить все темы интеллектуальных правых: антипозитивизм, иррационализм, культ интуиции и т. д. Д'Аннунцио соседствует с Ницше в дискурсе эстетизма и аристократизма; идеология сверхчеловека становится выражением чувства социального превосходства. Но некоторыми элементами работ французских университетских философов того периода во всем этом скоплении нельзя пренебречь, в частности, бергсоновской интуицией. Более того, ряд авторов принят в мире снобов, прежде чем появиться в универсуме легитимных авторов — это случай Шопенгауэра и Ницше. Шопенгауэр, в частности, становится предметом множества прочтений. Дюркгейм цитировал его так часто, что в лице Санса был прозван «Шопеном», тогда как в то же время в Париже, «бледная фигура шопенгауэрианца», испытывающего отвращение к миру, все чаще встречается среди посетителей кафе: воспитатели и декаденты черпают из одних источников. С этого момента невозможно проследить четкую границу между университетским дискурсом и различными социальными использованиями философии: философы обретают свой истинный смысл, только если их изучают внутри поля философского производства — с отсылкой к нормам, в соответствии с которыми они произведены.

Перевод с фр. О. Тимофеевой

Под ред. А. Бикбова и А. Зайцевой